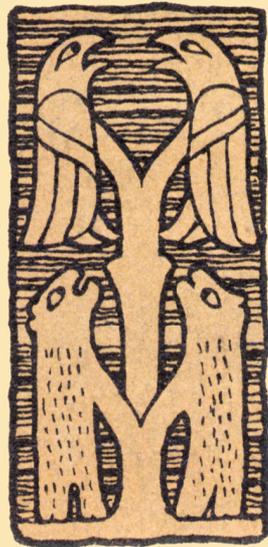
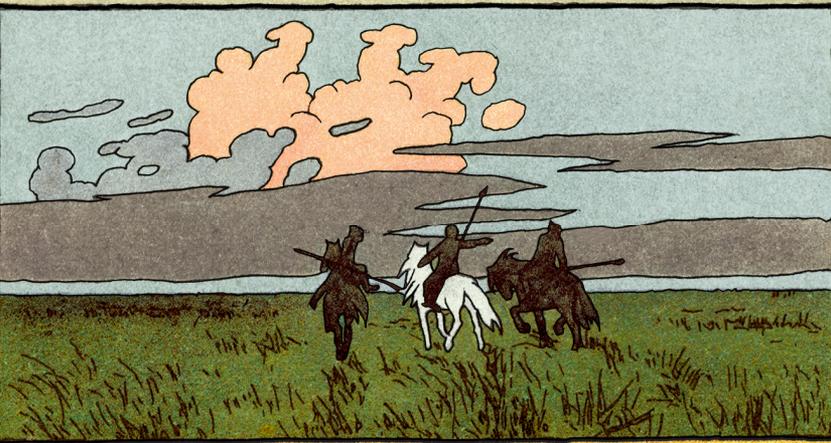
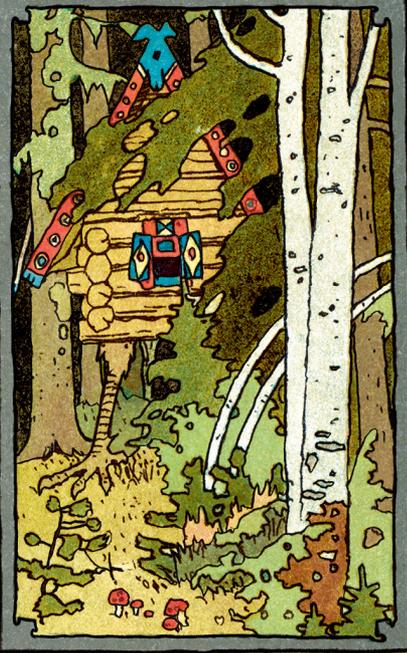

СКАЗКИ

ДРВА
ОРЕВНА.

Рисунки
Н. А. Билибина.
ЗОЛОТОЙ ВЕК КНИЖНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Иван Яковлевич Билибин (1876–1942) — выдающийся русский художник, мастер книжной графики и театрально-декоративного искусства. Особенную популярность завоевали его иллюстрации к русским народным сказкам и былинам, к сказкам А. С. Пушкина, воссоздающие красочный мир отечественной старины и фольклора. Используя декоративные приемы древнерусского и народного искусства (вышивки, лубки, иконы), художник создал свой «билибинский» графический стиль.

А началось все с сотрудничества с Экспедицией заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ). Осенью 1899 года 23-летний Иван Билибин принес в Экспедицию иллюстрации к трем народным сказкам. В это время управляющим ЭЗГБ был академик, князь Борис Борисович Голицын. С момента прихода на эту должность он поставил перед собой цель: превратить Экспедицию в учреждение, «которое должно было служить примером подражания для всей бумажной и печатной промышленности России и, кроме того, способствовать культурно-эстетическому развитию народа, выпуская отпечатанные на хорошей бумаге художественно-иллюстрированные издания русских классиков и популярные сочинения по всем отраслям науки». Рисунки к сказкам очень понравились, и после появления трех сказок, печатать которые предложил сам художник, Экспедиция заказала художнику иллюстрации еще к трем народным сказкам и к трем сказкам Пушкина.

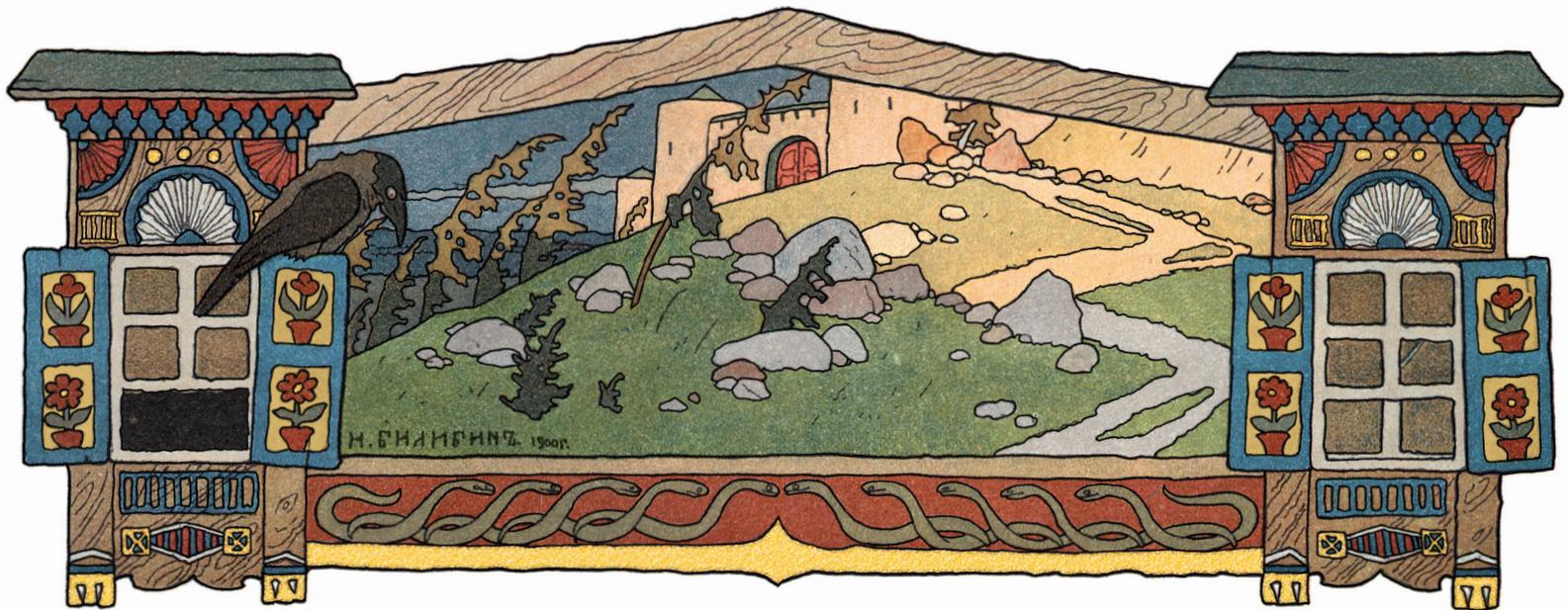
Это издание впервые с максимальной точностью воспроизведет книгу «Марья Моревна», опубликованную «Экспедицией заготовления государственных бумаг» в 1903 году.

ISBN 978-5-9603-0281-4
ISBN 978-609-456-170-2

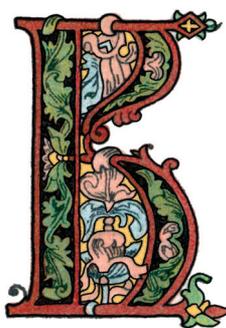
О Т П Е Ч А Т А Н О
Типография "Спалву сленис"
Гедежинио Вилко ул. 2,
LT-03150 Вильнюс, Литва

BOOKPRINT.LT

© ООО «СЗКЭО», 2014
© BESTIARY, 2014

Марья Моревна

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья — Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали:

— Кто первый за твоих сестер станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго!

Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами в зеленый сад погулять. Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная.

— Пойдемте, сестрицы, домой! — говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

— Коли люб ты сестрице, я ее не держу, — пусть идет!

Марья-царевна согласилась, сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало; пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Пойдемте, пойдемте, сестрицы, домой! — говорит царевич.

Только пришли во дворец — как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орел, ударился об пол и сделался добрым молодцем:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом. И посватал Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич:

— Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет; я с нее воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

— Пойдем во зеленом саду погуляем!

Погуляли немножко; опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Вернемся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок и влетел ворон; ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем; прежние были хороши собой, а этот еще лучше.

— Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом; отдай за меня Анну-царевну.

— Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство. Остался Иван-царевич

один; целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно.

— Пойду, — говорит, — искать сестриц. Собрался в дорогу, идет и видит — лежит в поле рать-сила побитая.

Спрашивает Иван-царевич:

— Коли есть тут жив человек — отзовись! Кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

— Все это войско великое побил Марья Моревна, прекрасная королева.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые.

Выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева:

— Здравствуй, царевич, куда тебя бог несет — по воле аль по неволе?

Отвечал ей Иван-царевич:

— Добрые молодцы по неволе не ездят!

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в свое государство; пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королеве на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает:

— Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не заглядывай!

Он не вытерпел; как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кощей у Ивана-царевича:

— Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло! Царевич подал ему ведро воды, он выпил и еще запросил:

— Мне одним ведром не залить жажды, дай еще!

Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро — взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал Кощей Бессмертный. — Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих! — И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил ее и унес к себе.

А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу:

— Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Ах, шуринок мой любезный! Как тебя господь милует?

Выбежала Марья-царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Погостил у них царевич три дня и говорит:

— Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою Марью Моревну, прекрасную королеву.

— Трудно тебе сыскать ее, — отвечает сокол. — Оставь здесь на всякий случай свою сере-

бряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит. Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идет!

Ольга-царевна тотчас выбежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Дольше гостить мне некогда: я иду искать жену мою Марью Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает орел:

— Трудно тебе сыскать ее; оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит.

Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идет.

Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Прощайте! Пойду жену искать — Марью Моревну, прекрасную королеву. Отвечает ворон:

— Трудно тебе сыскать ее; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны.

Увидела она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

— Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кошца Бессмертного.

— Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше пойдем со мной, пока не видать Кошца Бессмертного, авось не догонит!

Собрались и уехали. А Кошцей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгуду? Отвечает конь:

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Можно пшеницы засеять, дождаться, пока она вырастет, сжать ее, смлотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!

Кошцей поскакал, догнал Ивана-царевича.

— Ну, — говорит, — первый раз тебя прощаю, за твою доброту, что водой меня напоил, и

в другой раз прошу, а в третий берегись — на куски изрублю!

Отнял у него Марью Моревну и увез; а Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною, Кощея Бессмертного дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич! Он нас догонит.

— Пускай догонит, мы хоть часок-другой проведем вместе.

Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгуду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

— А можно ли догнать их?

— Можно ячменя засеять, подождать, пока он вырастет, сжать, смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выспаться да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

— Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!

Отнял ее и увез к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревной; на ту пору Кощея дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит.

— Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу. Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую невзгуду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича; изрубил его в мелкие куски и положил в смоленую бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело.

— Ах, — говорят они, — видно, беда приключилась!

Орел бросился в синее море, схватил и вытащил бочку на берег, сокол полетел за живой водой, а ворон за мертвой. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и сложили как надобно.

Ворон брызнул мертвой водой — тело срослось, соединилось; сокол брызнул живой водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

— Ах, как я долго спал!

— Еще бы дольше проспал, если б не мы! — отвечали зятья. — Пойдем теперь к нам в гости.

— Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну! Приходит к ней и просит:

— Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выпрашивать.

Кощей сказал:

— За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекой живет баба-яга; у нее есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у нее и других славных кобылиц; я у нее три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за это баба-яга дала мне одного жеребеночка.

— Как же ты через огненную реку переправился?

— А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к бабе-яге. Долго шел он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыши детками.

Иван-царевич говорит:

— Съем-ка я одного цыпленочка.

— Не ешь, Иван-царевич! — просит заморская птица. — В некоторое время я пригожусь тебе. Пошел он дальше, видит в лесу улей пчел.

— Возьму-ка я, — говорит, — сколько-нибудь медку. Пчелиная матка отзывается:

— Не тронь моего меда, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошел дальше, попадается ему навстречу львица со львенком.

- Съем я хоть этого львенка; есть так хочется, ажно тошно стало!
— Не тронь, Иван-царевич, — просит львица. — В некоторое время я тебе пригожусь.
— Хорошо, пусть будет по-твоему!

Побрел голодный, шел, шел — стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человеческой голове, только один незанятый.

- Здравствуй, бабушка!
— Здравствуй, Иван-царевич! Почто пришел — по своей доброй воле аль по нужде?
— Пришел заслужить у тебя богатырского коня.

— Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня; если упасешь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся — торчат твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился, баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься. Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты, и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул.

Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома. Царевич встал, воротился домой; а баба-яга и шумит, и кричит на своих кобылиц:

— Зачем вы домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

— Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыптесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич, наутро баба-яга ему говорит:

— Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте.

Погнал он кобылиц в поле, они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал-плакал да и уснул.

Солнышко село за лес, прибежала львица:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны. Иван-царевич встал и пошел домой; баба-яга пуще прежнего и шумит, и кричит на своих кобылиц:

— Зачем домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

— Ну вы завтра забегите в сине море. Опять переспал ночь Иван-царевич, наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти:

— Если не упасешь — быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул.

Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

— Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротишься домой, баба-яге на глаза не показывайся, пойдешь в конюшню и спрячешься за яслями. Там есть паршивый жеребенок — в навозе валяется, ты укради его и в глухую полночь уходи из дома.

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумит, и кричит на своих кобылиц:

— Зачем воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетело пчел видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич украл у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг откуда ни возьмись, повис через реку высокий мост. Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький! Поутру пробудилась баба-яга — паршивого жеребенка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает.

Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!»

Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился, и баба-яга упала в реку; тут ей и лютая смерть приключилась! Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах, стал из него чудный конь. Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею:

— Как же ты опять живой?

— Так и так, — говорит. — Поедем со мной.

— Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрубленным.

— Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.
Сели они на коня и поехали.

Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чувствуешь какую невзгону?

— Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

— Нет, не утерплю, — говорит Кощей Бессмертный, — поеду в погоню.

Долго ли, коротко ли — нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей; в те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и размогзил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того положил царевич груды дров, развел огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и пепел его пустил по ветру.

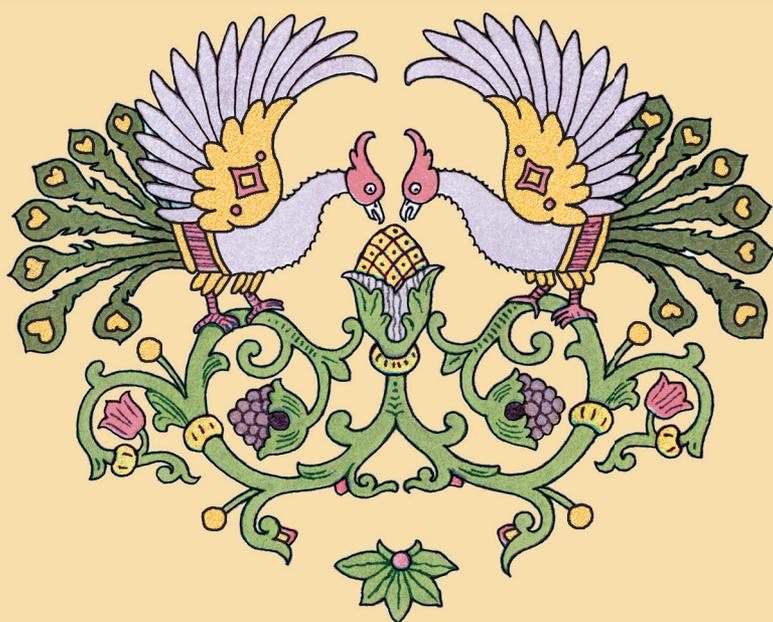
Марья Моревна села на Кошеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу.

Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

— Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя увидеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать — другой не найти!

Погостили они, попиروвали и поехали в свое царство. Приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

ISBN 978-609-456-170-2

9 786094 561702 >

EAC

6+